

Корсак А. И.
ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ПЕРВИЧНЫХ МЕСТ ЗАХОРОНЕНИЯ
ЖЕРТВ НАЦИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЧГК)¹

Ключевые слова: нацистский оккупационный режим, место захоронения, жертвы, Чрезвычайная государственная комиссия, Беларусь, Полоцкая область.

События Великой Отечественной войны не отпускают себя спустя многие десятилетия после её окончания. Не только потому, что это один из крупнейших военных конфликтов в рамках Второй мировой войны, но и из-за того, что масштаб потерь особенно среди мирного населения не сравнится ни с каким другим военным столкновением XX в.

Для проведения успешной политики мемориализации мест захоронения погибших в военных операциях и жертв геноцида среди гражданского населения периода Великой Отечественной войны необходимо одно главное условие – знание точного места произошедшего события. В противном случае это искажение фактов. Историческая правда в этом отношении как никогда играет ключевую роль. Памятник должен стоять там, где находятся останки жертв.

Освободив территорию Беларуси летом 1944 г. военным руководством фронтов принималось решение об установлении памятников на месте захоронения воинов Красной Армии. Примером чему является братская могила в центре г. Полоцка, организованная согласно приказу генерал-лейтенанта И.Х. Баграмяна. Далее активную позицию в этом отношении заняло руководство БССР. Несмотря на то, что в ряде документов декларировалось о том, что нет ни одного района Беларуси, где не имеется «мест массовых казней белорусского народа», в том числе и лагеря военнопленных и лагеря смерти [12, с. 34–35]. Всё же вниманием со стороны властей как раз места уничтожения и захоронения мирного населения, жестоко уничтожаемого в ходе карательных операций, были в значительной степени обделены. Спустя четыре года после нацистской оккупации в 1948 г. был поставлен вопрос о взятии на учет и установки памятников на ряду с захоронениями партизан на «местах массового захоронения населения» как «жертв немецкой оккупации», что отражено в стенограмме заседания Бюро

¹ Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» Подпрограмма 12.1 «История» на 2021–2025 гг. Задание 12.1 «Мемориализация воинских захоронений и мест уничтожения населения германскими оккупантами в 1941–1944 гг. на территории Беларуси» в рамках задания «Военная история Беларуси как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского государства»

Совета Министров БССР [12, с. 54]. После данного заседания 16 апреля 1948 г. в документообороте, связанном с вопросами увековечения захоронений периода Великой Отечественной войны, среди воинов Красной армии и партизан появляется и мирное население.

Но, чтобы поставить на учет, нужно определить место захоронения гражданского населения. В большинстве своём последующем были определены места уничтожения (сожжения, расстрела и т.д.), которые не всегда являлись и местами захоронения. В данном случае это имеет отношение к местному населению, уничтоженного в ходе карательных операций путем расстрела, а затем сожжения в сельских постройках (домах, сараях, банях и т.д.) с целью сокрытия фактов преступления.

Иная картина с уничтожением еврейского населения Беларуси: здесь место расстрела и место захоронения совпадают в полной мере. Более того, очевидцев в данном случае, которые могли указать на факты массовых убийств, значительно больше, что подтверждается материалами ЧГК за редким исключением (пример, м. Боровуха-1 и д. Труды Полоцкого р-на).

Документы и материалы Чрезвычайной государственной комиссии (далее ЧГК) считаются максимально достоверным и основным источником информации по установлению преступлений нацистского оккупационного режима в том числе и на территории Беларуси. Они же служили основной доказательной базой судебных процессов над нацистскими преступниками, во время которых вызывались также свидетели и очевидцы событий, связанных с уничтожением мирного населения Беларуси.

В изданиях различного рода, посвященных теме нацистского оккупационного режима в плане принесенного ущерба экономике Беларуси и количества жертв среди мирного населения, взяты за основу итоговые документы – акты по городам и районам, редко по сельским советам, и таблицы с обобщёнными сведениями. Мало кто обращается к низовым материалам, на основе которых составлялись выше указанные официальные бумаги.

Следует отметить, что многие факты не всегда имели место быть в итоговых Актах ЧГК, на которые обращали свое внимание в заявлениях, протоколах опросов и допросов. К примеру, в Акте по Освейскому р-ну Полоцкой обл.¹ факт сожжения д. Иванцово Кохановского с/с в принципе не указан [1, Л. 3–6]. Далее в Акте по Кохановскому с/с в перечне сожженных деревень указан лишь один случай, произошедший в марте 1943 г., когда было уничтожено 30 человек данной деревни [2, Л. 150]. Если обратимся к содержанию протоколов допросов (выявлено два документа, один из них на официальном бланке НКВД СССР,

¹ Здесь и далее административно-территориальные границы указаны на момент 1944 г.

второй – рукописный по типу официального бланка), то увидим еще два факта расстрела жителей д. Иванцово. Первый относится к декабрю 1943 г.: «...расстреляно немцами в количестве 29 чел., расстрел произведен в лесу...свалены в одну кучу, мужчины отдельно, женщины отдельно» [7, Л. 170], «свалены в одну кучу и не зарыты» [8, Л. 169]. Во втором случае указана точная дата – 5 января 1944 г.: «...приехали солдаты немецкие и офицеры, забрали мирное население этих деревень Иванцово и Леснянский и в кустах урочище "Берозовка" произвели расстрел 15-ти человек¹, из числа расстрелянных были сожжены в землянках, а те, которые не сжигались были брошены не закопанными» [7, Л. 170]. Следует отметить, что и первый и второй случаи происходили вне границ самого населенного пункта. Установить первичное место захоронения всех трех фактов уничтожения мирного населения не представляется возможным. На данный момент д. Иванцово не существует. На гражданском кладбище паспортизированы две индивидуальные могилы, в которых захоронены советские партизаны. В базе данных по сожженным деревням указан только факт уничтожения в марте 1943 г. Ни в одном из документов не имеется точной локации даже места уничтожения. Исходя из того, что тела не были захоронены, то вероятно они были в последствии утрачены под влиянием природно-климатических условий.

На такие случаи, когда в ходе карательных экспедиций в процессе прочесывания лесного массива было обнаружено прятавшееся местное население и впоследствии расстрелянное карателями, согласно документам ЧГК приходится больше половины из общего числа. Выявить место их захоронения не представляется возможным. *К примеру, «в мае 1943 г. немцы захватили прятавшихся в лесу 26 жителей деревень Лесины и Зарубовщина². Все они были расстреляны из пистолетов в голову» [4, Л. 268], «расстреляли 7 человек в Заволынском лесу³ возле болота» [6, Л.166], "выводили за лес, ставили возле вырытых ям и расстреливали из автоматов"⁴ [10, Л. 300об].*

Это имеет отношение не только к тем местам, которые указаны по памяти допрашиваемых при составлении протоколов, когда, не будучи очевидцем событий (при этом они сами проговаривают этот факт), но владеющий данной информацией, человек её фиксирует. Не менее сложно обстоят дела и с теми местами уничтожения населения, в захоронении останков которых принимали участие непосредствен-

¹ Имеется именной список в самом протоколе допроса

² Ушачский р-он Полоцкая обл.

³ Уничтожение жителей д. Сеньково Литвиновского с/с Ветринского р-на Полоцкой области в апреле 1943 г.

⁴ Уничтожение 24 жителей д. Ерши Дмитровского с/с Россонского р-на Полоцкой обл. в феврале 1943 г.

но допрашиваемые: «... кроме того в лесу было много расстрелянных граждан в период блокировки лесов. Я сама лично закапывала граждан мне неизвестных расстрелянных 5 мая 1944 г.... 7 человек жителей Мотырино¹, а остальных 60 человек личность неизвестные с соседних деревень, когда зарывали трупы в большинстве были полуразложившиеся и опознать нельзя было» [9, Л. 259 об.]. В данном случае, помимо того, что не указано точное месторасположение захоронения, так ещё и не имеем его персонификации. Таким образом, 67 человек нескольких населенных пунктов, погибших и захороненных, судя по всему, в лесу, не увековечены путем установки надмогильного памятника по причине невозможности локализации места.

Выше нами приведены примеры массовых мест уничтожения. Но в документах ЧГК значительное количество фактов, имеющих отношение к единичным акциям: повешение, расстрел, сожжение и т.д. отдельно взятых жителей населенных пунктов, место захоронения которых указано крайне редко. Этому подтверждение несколько примеров: "За связь с партизанами погибли 2 комсомолки Валявко А. и Казаченок К... Когда освободили местечко и отрывши родителями могилу нашли Казаченок и Валявку без ушей и глаз, ноги и руки вывернутыя, все тело было порвано собаками" [5, ЛЛ. 38-38об]; «замучили гр-на Лесничего М.П. на глазах у жены и детей жгли зажигалкой пятки, прострелили руку, отрезали уши, нанесли 12 кинжальных ран, затем вывезли на кладбище и добили на смерть" [3, Л. 4]; «зимой [фамилия] задержал гражданку из партизанской зоны из д. Зеленовщина Голубовского с/с Шитик, которую передал нач. полиции..., который отвел в Жовненский лес из с. Волынцы и сам лично её расстрелял» [11, Л. 151 об].

Следует отметить, что во многих случаях констатируется факт преступления: «убит», «повешен», «расстрелян» – без раскрытия обстоятельств происшествия и тем более без указания факта захоронения. Можно предположить, что скорее всего захоранивали в таких случаях на местных гражданских кладбищах. Для того, чтобы подтвердить данное предположение необходимо обследование соответствующих кладбищ при условии сохранности могилы и памятника на ней.

Подводя итог сказанному, можно еще раз проговорить важный момент. С каждым годом всё меньше и меньше очевидцев и свидетелей трагических событий периода нацистской оккупации территории Беларуси, которые могли бы рассказать не только о конкретных фактах преступлений, но и указать на места захоронения. Более того, топография местности также подвержена изменениям, которые не позволяют найти те или иные ориентиры, описанные в документах ЧГК.

¹ д. Матырино Ушачский р-он Полоцкая обл.

Сохранение памяти о жертвах нацистского оккупационного режима, на наш взгляд, возможно не только через паспортизацию мест массового уничтожения, но и через публикацию отдельных персонафицированных справочных изданий, если невозможно установить место захоронения.

1. Акт по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Освейского района от 24.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.218. Л. 3–6
2. Акт по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Кохановского с/с Освейского района от 10.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.218. ЛЛ. 150–150об
3. Акт по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Дриссенского района от 06.04.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.215 ЛЛ. 3–4.
4. Акт по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Вестницкого с/с Ушачского района от 20.04.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.223. Л. 268–268об.
5. Заявление Коробовой Т.Д. от 24.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.223 ЛЛ. 38–38об.
6. Заявление от гр. Жагулы М.Т. // ГАРФ. – Ф. 7021. Оп. 92. Д. 210. Л.166.
7. Протокол допроса свидетеля Врублевской М.О. от 08.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.218. Л. 170
8. Протокол допроса Яскевич А.В. от 08.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.218. ЛЛ. 168–169.
9. Протокол опроса Михейко Д. от 12.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.223. ЛЛ. 259–259 об.
10. Протокол опроса свидетеля Красовской Ф.С. от 27.03.1945 г. // ГАРФ. - Ф.7021. Оп.92. Д.222. ЛЛ. 300–300об
11. Протокол опроса свидетеля Лохана Ф.П. от 10.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф. 7021. Оп. 92. Д.215. ЛЛ. 151–151 об
12. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : документы и материалы / редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 302 с.

Котович Т. В.

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ВИТЕБСКОГО НАРОДНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧИЛИЩА: МАЛЕВИЧ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ

Музей истории ВНХУ (Витебского народного художественного училища), открытый в Витебске в феврале 2018 года, за недолгую еще историю своего существования, стал центром притяжения ресурсов современной электронной IT-культуры, научных работников разных регионов мира, деятелей культуры и простых посетителей благодаря: 1) образованной в музее виртуальной среде, адекватной проектам русского авангарда 1920х годов; 2) лекциям ученых-искусствоведов, специалистов в области авангарда 20 века; 3) обширной библиотеке, собранной в музее; 4) выставочной деятельности в сфере современно-